

**Венгрия – Восток или Запад?
Имидж Венгрии в современной польской литературе
и популярных путеводителях**

Заводя разговор о представлении поляков о Венгрии, следует начать с первых строк вступительной статьи Чеслава Милоша к сборнику «Węgrzy» («Венгры»), изданном в основанном Ежим Гедройчем, действующем в Париже и связанном с польскими эмиграционными кружками Литературном Институте [Instytut Literacki]. Милош начинает следующим образом:

Do ułożenia tej książeczki skłoniła mnie dziwna sytuacja: Polacy, gdziekolwiek mieszkają i jakimkolwiek hołdują poglądom, mają tradycyjną miłość do Węgrów, ale o Węgrzech nie wiedzą prawie nic [Miłosz 1960: 7]¹⁹³.

К созданию этой книжки меня подвигла странная ситуация: поляки, где бы они ни жили и какие бы у них ни были взгляды, проявляют «традиционную» любовь к венграм, но о Венгрии не знают почти ничего (здесь и далее перевод мой – Р. Б.).

Можно лишь надеяться, что в ближайшем будущем представление поляков о Венгрии станет немного больше опираться на знания об этой стране.

В Польше образ Венгрии имеет положительную окраску уже на протяжении ряда веков. В некоторых популярно-научных статьях, особенно в интернете, можно даже найти (не всегда обоснованные) утверждения о том, что Польша и Венгрия никогда между собой не воевали. Кроме того, и по сей день жива память о том, как венгры принимали польских беженцев в 1939 г. и дружеском отношении венгерских солдат к полякам

¹⁹³ В книжке печатаются польские переводы текстов Петера Кенде и Хунгаричиуса и несколько стихотворений молодых венгерских поэтов.

во время Второй мировой войны (особенно в периоды резни на Волыни и Варшавского восстания). Недаром самым ярким свидетельством польско-венгерских взаимоотношений является известная поговорка «Поляк, венгр – два племянника...» [польск. «Polak, Węgier – dwa bratanki...»]¹⁹⁴.

В послевоенные годы этот образ менялся в зависимости от политических обстоятельств, отражая точку зрения рассказчика и его политические взгляды (что в последние годы особенно касается отношений к внутренней и международной политике современной венгерской власти). Огромное впечатление на поляков произвело будапештское восстание 1956 г., вызвавшее волну сострадания. Эти события привели к появлению целого ряда литературных произведений, в которых о венграх говорится обычно в патетическом стиле, их называют «друзьями» или «братьями» – взять, к примеру, стихотворения «Qui tacent clamant» Адама Важика или «Węgram» («Венграм») Збигнева Херберга. Следует добавить, что именно в это же время в Польше возник и интерес к венгерскому языку – первый польский учебник венгерского языка вышел в 1957 г. Позже, в семидесятые и восьмидесятые годы, Венгрия казалась посещавшим ее полякам западноевропейской страной – производили впечатление архитектурные шедевры и доступность продуктов в магазинах, о чем косвенным образом свидетельствуют польские путеводители того времени. Что касается путеводителей или

¹⁹⁴ Полный текст этой поговорки на польском языке звучит следующим образом:

Polak, Węgier – dwa bratanki,
i do szabli, i do szklanki,
oba zuchy, oba żwawi,
niech im Pan Bóg błogosławi.

На венгерском языке существует аналогичная поговорка:

Lengyel, magyar – kétjő barát,
Együtt harcol s issza borát,
Vitéz s bátor mindkettője,
Áldás szálljon mindkettőre.

книг, посвященных венгерской истории и культуре, следует сразу сказать, что написавшие их польские авторы имели личные связи с венграми или были венграми по крови. Понятно, что они, с одной стороны, пытались передать читателям свои знания, а с другой – проецировали на предмет описания свои личные впечатления и эмоции.

В том, что сегодня написано о Венгрии, выделяется два направления, которые условно можно обозначить, как «положительное» или даже восторженное, и «реалистическое», причем условность второго определения намного выше, чем первого. Дело в том, что у польских писателей почти не встречается негативный образ Венгрии, а есть лишь отдельные критические замечания.

Примером первого типа публикации являются путеводители по Будапешту и Венгрии, в которых авторы открыто признаются в том, что с описываемой страной их связывает нечто личное. Примером может служить Тадеуш Ольшаньски (Tadeusz Olszański), чья мать по происхождению венгерка, а во время войны он был военным беженцем из Венгрии. Есть и те, кто просто питают симпатию к венграм (тут в качестве примера можно привести первые строки книги Анджея Хильдебрандта (Andrzej Hildebrandt), который свое отношение к Венгрии выражает уже в самом начале: «должен признаться – Венгрию я обожаю, и потому мой рассказ <...> может быть немножко необъективным» [Hildebrandt 2016: 5]. В другом месте Хильдебрандт заявляет: «Когда я путешествую по Европе, я всегда приезжаю в Венгрию как домой, потому что именно так я там себя там чувствую». Он вспоминает, как однажды на пути в Загреб у него в автомобиле сломалась коробка передач. И хотя ехать дальше было трудно, он решил все же дотянуть до Венгрии, поскольку там он чувствовал себя комфортнее. Свой краткий рассказ писатель завершает выводом: то, что он проехал лишние 200 километром на неисправной машине, лишь бы сделать ремонт в знакомом месте, свидетельствует или об этом месте, или о нем

самом. И в том, и другом случае Венгрия предстает как страна удобная для жизни и безопасная.

Хильдебрандт пишет, что всегда, когда пересекает венгерскую границу, особенно с юга, ему становится легче дышать. Он приводит мнение венгерского дипломата и путешественника Имре Йосика-Герчега (1869–1935), который писал о пересечении венгерско-румынской границы как о переходе из мира восточной культуры в мир западной цивилизации [см. Hildebrandt 2016: 6]. Восприятие Хильдебрандта сильно разнится с описанием Венгрии в книгах Кжиштофа Варги и Анджея Стасюка, по мнению которых это – мрачная страна, полная «железнодорожных вокзалов, кислых кекфранкошей, самоубийц, унылого празднования дня святого Стефана или скверных овощей с уксусом» [Hildebrandt 2016: 6]. Для Хильдебрандта Венгрия – это прежде всего замечательная старина, горячие источники и бассейны, хорошее вино, красивые женщины. Именно такой образ Венгрии он пытается создать для своих читателей.

На противоположном полюсе – автобиографические эссе Станислава Винценза (Stanisław Vincenz) или Мирона Бялошевского (Miron Białoszewski) [Białoszewski 2015]. С. Винценз, который во время войны попал в Венгрию как беженец, пытается представить страну как можно более объективно: он описывает венгерскую природу и особенности культуры, но упрекает венгров в недостаточном гостеприимстве. М. Бялошевский в своих дневниковых записях рассказывает о поездке в столицу Венгрии в ноябре 1979 г. Все вызывает у поэта, впервые попавшего в Венгрию, удивление, но постепенно он осваивается в новой среде, овладевает венгерским языком и знакомится с культурой. Бялошевский рассказывает о Венгрии как человек, встретившийся с чужой для себя культурой. Поэтому он детально описывает прогулки по городу и музеям, признается в проблемах с языком.

Наиболее критическое, или вернее, реалистическое отношение к Венгрии проявляет в своих очерках, составляющих так называемую «венгерскую трилогию» («Gulasz z turula»,

«Czardasz z mangalicą» и «Langosz w jurcie»), Кшиштоф Варга (Krzysztof Varga)¹⁹⁵. Отец Варги – венгр и, по мнению некоторых исследователей [Czyżak 2017: 88; Necka 2014: 576], в своих книгах Варга словно пытается разобраться в «венгерской половине» своей натуры. Если применить к писательскому методу Варги терминологию психоанализа, можно сказать, что писатель стремится изжить связанные с Венгрией травмы. Варга не подшучивает над венграми – его литературная стратегия выстраивается по принципу показа извне того, что рассказчику известно как бы изнутри. Описания событий собственной жизни призваны приобщить польского читателя к венгерской культуре и менталитету. В «венгерской трилогии» автор разоблачает некоторые стереотипы, пишет о травме Трианонского договора, о до сих пор не решенной проблеме сотрудничества венгров с гитлеровцами во время Второй мировой войны, о венгерской истории и кухне. В первой книге «трилогии» – «Гуляш из туруля» – Варга показывает, что главной особенностью венгров является ностальгия (не случайно каждый третий ресторан в Будапеште носит название «Ностальгия» [Varga 2008: 9]). В зависимости от исторических условий предмет этой ностальгии меняется – в правление Кадара это была ностальгия по временам Хортего, сейчас – по эпохе Кадара, а в целом – по ныне утраченному великому прошлому прекрасной страны.

Ностальгия свойственна и самому рассказчику, который вспоминает старые будапештские рестораны и мечтает, чтобы все в этих старинных ресторанах сохранилось, а особенно интерьеры [Varga 2008: 20]. Возможно, такие размышления объясняются тем, что рассказчик является скорее пишущим по-польски венгром, чем поляком венгерского происхождения. Надо сказать, что сам писатель родился в Варшаве, учился в польских школах и изучал полонистику в Варшавском университете. Голосом

¹⁹⁵ Об образе Венгрии в творчестве Варги, в частности в его «венгерской трилогии» см.: [Czyżak 2017; Janiec-Nyitrai 2016; Janiec-Nyitrai 2017a; Janiec-Nyitrai 2016b].

рассказчика автор пытается показать сходство между Польшей и Венгрией, то, что, по его мнению, сближает две страны. Возникает впечатление, что ему даже мешает расположенная между странами Словакия, но одновременно он как будто предупреждает о том, что такой образ мысли чреват национализмом.

Проблему, относить ли Венгрию и Польшу к «Востоку» или к «Западу», рассказчик явно решает в пользу «Востока». Рассуждения рассказчика о том, что Центральная Европа является некой имитацией «настоящей» Европы, возникают в связи с гостиницей «Париж» в словацком городке Сврчиновец, рядом с которой установлена уменьшенная копия Эйфелевой башни.

Отель Париж и стоящая рядом с ним мини-башня – это какой-то фантастический, а точнее фантазмагорический символ Центральной Европы и ее неудачных имитаций более реальной Европы, заслуживающей названия подлинной Европы [Varga 2014: 8].

Варга-рассказчик удивляется тому, что такая «мешанина» возникла в Словакии, а не в Польше: ведь поляки, по его мнению, с их «безрассудными, неотягощенными эстетическим вкусом чувствами» к ней больше склонны [Varga 2014: 8–9].

Совсем по-другому выстраивается образ современной Венгрии в путевых очерках Анджея Стасюка (Andrzej Stasiuk). Венгрия обозначена в них лишь как транзитная территория – дорогая на юг или на восток. В произведениях А. Стасюка большинство стран, расположенных к югу от Польши, а частично и сама южная Польша, сливаются в некую неопределенную совокупность мест – своеобразную «забытую Европу», что особенно бросается в глаза в сборнике рассказов-очерков «Jadąc do Babadag» («На пути в Бабадаг») 2004 г. [Stasiuk 2004]). Причем по мере передвижения (писатель-рассказчик описывает, главным образом, свои поездки на машине и на поезде) они сливаются в одно целое, государственные границы пересекаются почти незаметно, и таким образом создается впечатление, будто

рассказчик на самом-то деле ездил по Австро-Венгерской империи. Граница упрощается обычно для того, чтобы показать, что миры по обе ее стороны мало отличаются друг от друга.

Пространство, описываемое в очерках «*Jadąc do Babadag*», похоже на старинную карту рассказчика, на которой современные города и деревни как бы исчезают. Можно лишь предположить, что такая размытость пространства/мира обусловлена сложной исторической судьбой описываемых Стасюком земель, где неоднократно перекраивались границы государств, а последние то появлялись, то «исчезали» на долгое время. В качестве косвенного свидетельства такой «изменчивости» рассказчик приводит слова одного из польских туристов, который сначала безуспешно стучал в закрытые музейные ворота в замке в Стара-Любовне в Словакии, а потом пнул по ним ногой и сказал: «Это должно снова быть или нашим, или венгерским. Тогда был бы хоть какой-то порядок!» [Stasiuk 2004: 42]. Далее писатель высказывает мнение, что «на восток и на юг от Праги и Будапешта начинается что-то вроде *terra incognita*...» [там же]. Упомянутые города кажутся автору неким *limes*, своеобразным пределом цивилизации.

В сборнике «*Jadąc do Babadag*» целиком венгерской тематике посвящен очерк «*Opis podróży przez wschodnie Węgry na Ukrainę*» (Описание поездки на Украину через Восточную Венгрию). Если присмотреться к названиям посещаемых рассказчиком городов, то оказывается, что он едет не прямо к украинской границе, а будто блуждает по всей северно-восточной Венгрии.

Поездка начинается в Будапеште. В отличие от большинства посетителей венгерской столицы, которые восхищаются городом, рассказчик создает его негативный образ. Ему здесь не нравится буквально все: погода (в тот день шел дождь), празднование дня святого Стефана (на улицах были толпы народа, транспорт не работал), но прежде всего его раздражает, что «в самом плохом, но раскрученном баре на улице Ракоczego рюмочка кёрте палинки стоит в три раза дороже, чем в Надькалло,

а кофе еще дороже» [Stasiuk 2004: 63]. Большим городам рассказчик предпочитает венгерскую провинцию – деревни и маленькие городки, «созданные по человеческой мерке» [Stasiuk 2004: 78]. Тем более, что ни в Будапеште, ни в Токае он не смог купить свои любимые венгерские сигареты Кошут, из чего делает вывод: наличие или отсутствие этих сигарет отмечает границу между метрополией и провинцией.

В очерках Стасюка рассказчик отправляется на поиски неизведанного. Ему интересны прежде всего чужие культуры. Вот почему, увидев в Токае, что вместо немецких табличек «Zimmer frei» появились польские «Wolne pokoje», а позднее то и дело слышит польский язык, он приходит к выводу, что «наше путешествие стало уже не слишком заграничным» [Stasiuk 2004: 77], и на следующий день покидает город.

Рассказчик отмечает гостеприимство венгров, их доброжелательность и отзывчивость к незнакомцам. В этих качествах он убеждается повсюду: в будапештском поезде проводник не хотел, чтобы он переплачивал за билет (поэтому продал ему билет со следующей остановки), а потом откупорил бутылку токая, в Хидашнемети случайный велосипедист помог сесть на нужный поезд, в Гёнце какой-то цыган отвел рассказчика к человеку, который говорил по-английски, а тот, в свою очередь, пристроил на ночлег. Не нравятся автору только польские туристы в Токае: никак не могут понять, что официант не говорит по-польски.

Путеводитель предостерегает: украинские таможенники «вымогают деньги у путешественников, а могут и отобрать приглянувшиеся вещи» [Stasiuk 2004: 79], и это наводит на рассказчика страх. Перед границей он допивает остатки палинка, а в голове проносится: уж не последняя ли эта бутылка в его жизни. Такая боязнь, видимо, связана со стереотипом представлений о культурной границе между Западом и Востоком, между цивилизацией и нецивилизованным пространством. Клише возникает и оттого, что сами венгры ставят себя выше украинцев (в Кишварда охранник на паркинге так высказался по поводу

украинцев: «Ukrainian? They aren't European people» [Stasiuk 2004: 175]). Тем не менее стереотипы разрушаются: украинский таможенник вызвался помочь обойти очередь из мелких контрабандистов, а потом еще и выгодно обменять деньги. Так что в конце концов рассказчик приходит к убеждению: доброжелательные и отзывчивые люди встречаются по обе стороны границы. В этом смысле можно сказать, что никаких границ на самом деле не существует.

Иначе описывает Венгрию в своей книге очерков «Via Carpatia. Podróże po Węgrzech i Basenie Karpackim» («Via Carpatia. Путешествие по Венгрии и Карпатскому региону») Земовит Щерек (Ziemowit Szczerek). Автора интересует современная Венгрия, ее внутренняя и внешняя политика. Пересказывая интервью с венгерскими политиками разных убеждений, он стремится показать черты сходства между политикой Орбана и Ярослава Качиньского.

С одной стороны, можно сказать, что Венгрия в очерках Щерка выступает чисто «европейской» страной, вполне «укорененной» в западной цивилизации. Уже с самого начала автор замечает:

Как только вы попадаете на территорию бывшей Венгрии, не важно, из Польши в Словакию, из южной Сербии в Воеводину или из Старого румынского королевства в Трансильванию, окрестности сразу теряют вид дикого восточноевропейского бардака и приобретает немного скучный шарм центрально-европейской цивилизации.

Если же, с другой стороны, въехать с бывшей венгерской территории в сегодняшнюю Венгрию, опоясанную красными, белыми и зелеными шестами и помеченную названием «Magyarország», тогда ландшафт предстанет еще более упорядоченным. <...> В венгерском хаосе есть что-то польское [Szczerek 2019: 14].

Таким образом, первое впечатление у читателя складывается положительное. Тем более, что время от времени автор подчеркивает, что малые венгерские городки ничем не напоминают

«восточноевропейские бетонные монстры» [Szczerek 2019: 73]. Но в книге Щерка можно обнаружить и некую двойственность: если к истории Венгрии автор относится с уважением, то к современной Венгрии он симпатии не питает. По мнению Щерка, если в прошлом Венгрия была полноправным членом западной культуры (в ее широком понимании), уважала законы и демократию, то теперь она, как и другие страны бывшего соцлагеря, лишь имитирует свойственные Западу демократические институты и механизмы, при этом ментально оставаясь на «Востоке». По словам Щерка, современные «хозяева» этих стран «следуют букве закона, а не его духу, а иногда закон и вовсе попирают» [Szczerek 2019: 17]. Это проявляется прежде всего в том, что, хотя в Венгрии налицо все свойственные демократическому строю институты, ими управляют люди, зависимые от государственной власти, а точнее – от премьер-министра. А это ведет, по мнению Щерка, к созданию структуры наподобие мафии.

Несколько раз Щерек прямо или косвенно затрагивает проблему самоопределения Венгрии на геокультурной оси «Восток – Запад». Писатель замечает, что, если Польша или Румыния после присоединения к Западу сделали огромный цивилизационный скачок, Венгрия оставалась «западной» даже тогда, когда она была связана с советским «Востоком» [см. Szczerek 2019: 280]. По его мнению, геополитический рубеж проходит приблизительно по восточной границе Венгрии, за которой начинается Европа: «для меня было очевидно, что где-то здесь, на окраине Вены, где-то между Карпатами и немецкими землями и начинается настоящая Европа» [Szczerek 2019: 81]). Путешествуя по бывшим венгерским территориям современной Словакии, писатель замечает, что все они похожи на Венгрию, но со словацким акцентом, однако «чем дальше на восток, тем больше запущенности и неряшливости» [Szczerek 2019: 224]). Дорога упирается в границу между Словакией и Украиной, которую рассказчик определяет так: «а там уже безалаберность, бандитизм, мафия, нищета...» [Szczerek 2019: 224]. И хотя

понятно, что автор просто воспроизводит (пусть и с долей иронии) расхожие мнения об Украине, именно так и проявляется общепринятое в Центральной Европе представление об этой стране. Аналогично описывается в очерках Щерка и Румыния.

Сходные представления о принадлежности Венгрии к западной культуре находим и в рассуждениях о характере мышления венгров. Им также свойственно воспринимать все страны к востоку и югу от их земель как варварские и дикие. Такой стереотип восприятия проявляется в описании реакции знакомых рассказчика, когда те узнают, что он собирается ехать на Украину:

Я собирался из Будапешта на Украину, мне пожали руку и посоветовали быть осторожнее, потому что якобы там, где раньше было все в порядке, в венгерских предгорьях Карпат, Карпатальи, теперь украинская глушь, азиатское Закарпатье, отсталый быт, скалозубые аборигены-славяне, а основная форма организации общества – мафия [Szczerk 2019: 93–94].

Из этого краткого рассказа следует, что в восприятии венгров восточная граница их страны является на самом деле не только неким культурным рубежом на оси «Восток – Запад», но и границей европейской цивилизации вообще, своего рода окраиной мира.

Если пытаться приложить категории «Восток» и «Запад» к современному польскому восприятию Венгрии и его отражению в польской литературе и путеводителях, то можно почти однозначно сказать, что для поляков Венгрия – это страна Запада в его широком понимании. Однако наши наблюдения показывают, в восприятии Венгрии поляками оппозиции «Восток/Запад» вообще нет. Одним из редких примеров, где противопоставление все же обнаруживается, является описание перехода венгерско-украинской границы в прозе Анджея Стасюка, а также отдельные заметки в очерках Земовита Щерка. У Стасюка показано, что люди по обе стороны границы одинаково дружелюбные и отзывчивые, так что

оппозиция «Восток/Запад» нейтрализуется. Иначе проблема трактована в книге Щерка, где мир описывается попеременно с разных точек зрения – то поляка, то венгра. Здесь оппозиция «Восток/Запад» существенна, а Венгрия выступает как граница западной цивилизации. Что же касается восприятия поляками Венгрии в целом, то для поляков важнее оказывается оппозиция «Европа (настоящая) / Балканы». А Венгрия для них еще не Балканы.

Литература

Białoszewski M. Budapeszt // Białoszewski M. Proza stojąca, proza lecąca. Teksty rozproszone i niepublikowane. Warszawa, 2015. S. 281–328.

Czyżak A. Czardasz i gulasz – obrazy węgierskiej „inności” w twórczości Krzysztofa Vargi // Porównania. 2017. XX. S. 87–95.

Górny A. Węgry: przewodnik turystyczny. Warszawa, 1989.

Hildebrandt A. Węgry. Przewodnik historyczny. Polskie ślady. Warszawa, 2016.

Janiec-Nyitrai A. Pora między psem a wilkiem. Poczucie obcości i zadomowienia w esejach Krzysztofa Vargi “Gulasz z turula” i “Czardasz z mangalicą” // Polono-Hungarica. 2016. 9. S. 119–130.

Janiec-Nyitrai A. Narośle postpamięci. Na marginesie węgierskiej trylogii Krzysztofa Vargi “Gulasz z turula”, “Czardasz z mangalicą”, “Langosz w jurcie” // Nexus linguarum. Köszöntő kötet a 80 éves Nyomárkay István Akadémikus tiszteletére / Szerkesztette Lukács István. Budapest, 2017. S. 135–145.

Janiec-Nyitrai A. Rozmywanie granic: geopoetyka węgierskiej trylogii Krzysztofa Vargi // Slavia Centralis. 2017. 1. S. 104–117.

Miłosz Cz. Przedmowa // Węgry / wstęp i tłumaczenie Czesława Miłosza. Paryż, 1960.

Nęcka A. Melancholijna pętla: o twórczości Krzysztofa Vargi // Nęcka A., Nowacki D., Pasterska J. (ed.). Skład osobowy: szkice o prozaikach współczesnych. Cz. 1. Katowice 2014. S. 551–582.

Olszański T. Budapeszteńskie ABC. Warszawa, 1984.

- Snopek J.* Węgry: zarys dziejów i kultury. Warszawa, 2002.
Stasiuk A. Jadać do Babadag. Wołowiec, 2004.
Szczerek Z. Via Carpatia. Podróże po Węgrzech i Basenie Karpackim. Wołowiec, 2019.
Varga K. Gulasz z turula. Wołowiec, 2008.
Varga K. Czardasz z mangalicą. Wołowiec, 2014.
Varga K. Langosz w jurcie. Wołowiec, 2016.
Węgry / wstęp i tłumaczenie Czesława Miłosza. Paryż, 1960.

Аннотация:

Образ Венгрии в Польше оставался положительным на протяжении долгих веков. Есть даже известная поговорка: «Поляк, венгр – два брата ...». Однако в последнее десятилетие этот образ менялся в зависимости от политических условий, от точки зрения рассказчика, а иногда и от ее политических взглядов. В 1970-х и 1980-х гг. посетившим Венгрию полякам она казалась западноевропейской страной. В современной польской литературе венгерская тема присутствует преимущественно в эссеистике. Особое место занимает серия из трех книг Кшиштофа Варги, писателя польско-венгерского происхождения, рассказывающая о венгерской истории и современности. В документальных очерках Анджея Стасюка Венгрия обычно представлена как транзитная страна. Писатель, среди прочего, выражает мнение, что «к востоку и югу от Праги и Будапешта начинается нечто вроде terra incognita». Земовит Щерек иначе описывает Венгрию. Он подчеркивает, что из-за принадлежности к Габсбургской империи, она долгое время принадлежала западной цивилизации, но годы коммунизма во многих аспектах отдалили ее от современных западных стандартов.

Ключевые слова: польско-венгерские отношения, Венгрия XX в., геоэтика, современная польская литература, Варга Кшиштоф, Стасюк Анджей, Щерек Земовит.

Summary

Roman Bobryk (Sedlce)

Hungary – The East or the West? The Image of Hungary in Contemporary Polish Literature and Popular Tourist Guides

The image of Hungary in Poland has remained positive for centuries. There is even a famous proverb: “The Pole, the Hungarian are two brothers...”. However, this image has been changing in the last decade depending on political conditions, on the point of view of the narrator, and, occasionally, on her political views. In the 1970s and 1980s, Hungary seemed a Western country to the Poles who visited it. In modern Polish literature, the Hungarian topic is present primarily in essays. A special place in this respect is taken by the series of three books by the writer of Polish-Hungarian origin, Krzysztof Varga, who talks about Hungarian history and modernity. In the documentary essays of Andrzej Stasiuk, Hungary is usually represented as a transit country. The writer expresses, among other things, the opinion that “to the East and South of Prague and Budapest begins something like terra incognita.” Ziemowit Szczerek describes Hungary differently. He emphasises that due to the affiliation to Habsburg Empire, it belonged to the Western civilization for a long time, but years of communism made it different from modern Western standards in many aspects.

Keywords: Polish-Hungarian relations, twentieth-century Hungary, geopoetics, contemporary Polish literature, Varga Krzysztof, Stasiuk Andrzej, Szczerek Ziemowit.